Эмма просыпается от лязга решетки. Вскакивает, готовая ко всему, правая рука нащупывает в сене меч. Но его там нет, и воспоминания о вчерашнем дне спешно заполняют голову. Эмма сглатывает и смотрит на гостя. Это Мария, вчерашняя рабыня, встреченная в купальне. Она стоит на пороге и терпеливо ждет, когда Эмма протрет глаза.

– Здравствуй, – приветливо говорит она. – Время завтрака. Пойдем.

У нее в речи легкий акцент, но он не мешает пониманию. Короткая туника серого цвета не закрывает плечи, на ногах виднеется что-то вроде дощечек, вырезанных по форме ступней и крепящихся к щиколоткам тонкими ремешками. На севере люди ходят в сапогах зимой и летом, и здесь иная обувь поначалу смотрится очень странно.

Эмма недоуменно поднимается, поджимая босые пальцы. Она думала, что ее, как новичка, еще долго будут кормить отдельно от всех. Но Аурус, видимо, хочет, чтобы она быстрее ощутила себя своей.

– Погоди, – просит она, когда осознает, что недалеко уйдет. – Мне нужно облегчиться.

Мария понимающе отворачивается. Эмма смотрит ей в спину, гадая, что за радость слушать, как она опорожняется, но терпеть неприятно, и она торопливо развязывает набедренную повязку, опускаясь над ведром.

– Тебя ведь зовут Эмма, так? – говорит Мария, и Эмма в какой-то мере ей благодарна за то, что не молчит.

– Да.

– И ты с севера?

– Да.

Эмма заканчивает свои дела и одевается. Мария все еще не оборачивается, но и вопросов больше не задает. Тогда спрашивает Эмма:

– Ты тоже говоришь на моем языке. Это какое-то распоряжение Ауруса?

Мария мягко смеется и оборачивается, складывая руки на животе.

– В лудусе бывает много гладиаторов из разных стран. Трудно не выучиться говорить, как они.

Эмма удовлетворяется объяснением, хоть оно и кажется ей слегка подозрительным. Но не мог

же Аурус заставить весь лудус выучить чужой язык для того, чтобы пришлой северянке было удобнее здесь.

– Идем же, – зовет Мария нетерпеливо. – Нельзя опаздывать на завтрак. После него Аурус ждет тебя.

Эмма вздрагивает и поспешно выходит из своей темницы, немного жалея об оставленном яблоке. Но оно ведь никуда не денется?

Мария ведет ее сначала по нижней галерее, потом по верхней, и Эмма вновь отводит глаза, когда видит гладиаторов, приводящих себя в порядок в своих комнатах. Некоторые из них уже одеты, другие обнажены, и никого, кроме Эммы, это здесь, судя по всему, не смущает. Эмма гадает, где же Робин, однако вокруг только незнакомые лица. И, как и вчера, Эмма ловит на себе множество взглядов: от любопытных до откровенно презрительных. Она не глупа и понимает, что все это от того, что в лудусе нет других женщин-гладиаторов.

Мария приводит ее на кухню, и это довольно большое помещение, в котором стоит один длинный стол, а по обе стороны от него располагаются две не менее длинные лавки. На столе виднеются кувшины, деревянные миски и блюда с хлебом, яблоками и чем-то еще, что Эмма никак не может распознать. Она невольно принюхивается, боясь учуять здесь те запахи, что преследовали ее во время передвижения по Тускулу, но пахнет свежим хлебом. Это хорошо.

Среди сидящих гладиаторов Эмма видит Робина, и тот машет ей рукой, призывая подойти.

– Как твоя нога? – первым делом озабоченно спрашивает он. У него мокрые приглаженные волосы, а плечи слегка обсыпаны песком. Эмма думает: наверное, он тренировался перед завтраком.

– Нога… в порядке, – она шевелит ее, с удивлением отмечая, что совершенно забыла о боли. Что-то далекое чуть покалывает кожу, но не больше. У Студия явно чудодейственные мази.

– Замечательно, – искренне радуется Робин и кивает Марии: – Спасибо, ты можешь идти.

– Спасибо, Мария, – спохватывается и благодарит Эмма, и Мария, широко улыбаясь, вдруг склоняется к ее правому уху.

– Мое полное имя – Мария -Маргарита, – шепчет она так, будто это великая и очень важная тайна, затем торопливо уходит. Эмма с удивлением смотрит вслед, не понимая, зачем ей эта информация.

– Садись, ешь, – торопит Робин. – Я должен отвести тебя к Аурусу, но перед этим ты обязательно должна поесть. Аурус считает, что каждый прием пищи очень важен. Тем более для гладиатора, ведь он хочет, чтобы мы побеждали.

Он смеется, а вот Эмме не смешно. Как-то не вяжется еда с тем, чтобы после нее выходить на арену и кого-то убивать. Но Робин, наверное, давно смирился с этим.

– Скольких людей ты убил? – садясь, вдруг спрашивает она, не зная, зачем бы ей это знать. Испортить свое мнение о Робине? Он единственный, кто помогает ей здесь. И он ей нравится. Лучше бы она молчала.

Гладиаторы медленно, но верно покидают кухню, расходясь по своим делам. Робин берет чистое деревянное блюдо и накладывает на него из мисок все, что подвернется под руку, затем ставит это блюдо перед Эммой.

– Бои редко заканчиваются смертью, – качает он головой. – Если бы всякий раз ланисты теряли гладиаторов, они бы разорились: новые стоят не так уж дешево. А ведь их еще надо обучить. Ешь, пожалуйста, Эмма. Нас накажут, если мы опоздаем.

Эмма спохватывается – она ведь не дома! – и осторожно берет с блюда комок чего-то непонятного: оно чуть желтоватое, довольно мягкое и пахнет чем-то кислым.

– Что это? – спрашивает она, не уверенная, что это можно есть.

Робин забирает у нее комок, кладет его на хлеб и в таком виде протягивает обратно.

– Это сыр, – говорит он, улыбаясь. – Он делается из молока. Попробуй, вкусно.

Робин говорит степенно и гладко, Эмма смотрит на него и понимает: он привык. Привык быть рабом, привык выходить на арену и сражаться для забавы знати, которая в любой момент может потребовать его смерти, привык есть этот сыр по утрам. Но как можно привыкнуть к заточению? Или у него жизнь более сытая, чем у остальных?

Запах сыра Эмме не слишком нравится, он чересчур резкий, но она видит, что все вокруг спокойно едят. Помедлив, она откусывает немного от темного хлеба, сдобренного этим сыром. Робин следит за ней, чуть приподняв брови. Эмма старательно жует, но восторга не испытывает.

– Ты никогда его не пробовала? – спрашивает Робин, и, кажется, он этому удивлен. Эмме почему-то становится неловко. Конечно, она знает сыр – правда, у них его называют иначе, и он совершенно другого вкуса. Да и выглядит он не так.

– Наверное, я забыла, – зачем-то оправдывается она и делает усилие над собой, чтобы доесть свою порцию. Остальные, как она замечает, проблем с сыром не испытывают.

– Скорее всего, – кивает Робин. – Попробуй виноград.

Он подвигает Эмме блюдо, на котором лежит большая гроздь крупных зеленоватых ягод. Эмма сомневается, надо ли ей это есть, но Робин ждет, и она из вежливости отщипывает одну ягодку. А потом еще одну и еще: виноград нравится ей гораздо больше здешнего сыра. Он сладкий и лопается на языке, освежая.

– Там, где ты жила, был виноград? – с любопытством спрашивает Робин, и Эмма мотает головой.

– У нас была рыба, – вспоминает она. – Много, много рыбы. И мяса. Молоко. Хлеб. Иногда приезжали торговцы из других стран и привозили мед и яблоки, обменивали на рыбу.

Она думает про ягоды, которые созревают в жаркие лета. И грибы, она совсем забыла про грибы. Интересно, едят ли их тут?

– А как ты поймешь, когда нам нужно к Аурусу? – любопытствует она, потихоньку подъедая виноград и закусывая его хлебом. Робин наливает ей в деревянную чашу на толстой ножке воды из большого кувшина.

– С помощью клепсидры*.

Слово Эмме незнакомо, и она подавленно молчит, чувствуя себя весьма неприятно. Может быть, не зря римляне считают их варварами? У них нет стольких вещей.

– Вон она, – Робин указывает на довольно большое сооружение странного вида, стоящее в углу: там будто бы сосуд, сужающийся книзу, и с его узкого конца в бадью, стоящую под этим сосудом, капает вода.

– Когда вода дойдет до третьего снизу деления, нам нужно будет идти, – добавляет Робин, пока Эмма с интересом разглядывает эту клепсидру. – Если захочешь, потом я научу тебя определять время.

Эмма уже хочет и потому кивает, доедая виноград и запивая его водой. В голову приходит очередной вопрос.

– Они дают нам то же, что едят сами? – спрашивает она, гадая, не заставят ли ее питаться только виноградом и этим сыром. Долго она не протянет.

– Нет, конечно, – снисходительно улыбается Робин. – Им нет нужды баловать нас лакомствами. Временами нам перепадает свинина или говядина, рыба, но в основном готовят капустную похлебку с луком и свеклой или каши. Иногда дают пиво.

– Пиво, – повторяет зачем-то Эмма, и Робин принимает это за вопрос:

– В Риме предпочитают вино, но здесь, в лудусе, Аурус в основном оставляет его для себя. Так и говорит: вино – напиток героев, пиво – напиток варваров.

«Они считают нас варварами, – сердито думает Эмма, вспоминая вчерашний разговор рабов. – А сами гадят на улицах!» Разве такое было бы возможно на севере? Никогда.

Ей не хочется уходить с кухни. Тут тепло и хорошо пахнет. Но Робин нетерпеливо поглядывает, и Эмма, вздохнув, говорит:

– Можем идти.

Робин поднимается вместе с ней. Эмма думает, не надо ли убрать за собой, однако едва она отходит от стола, как невысокий смуглый раб принимается ловко кидать остатки еды в большую корзину. Другой раб, с болезненным лицом, аккуратно собирает блюда и миски. Эмма отмечает, что они последние из гладиаторов, кто еще остался на кухне. Время завтрака, очевидно, истекло.

Они с Робином снова идут по галерее, пол которой успел слегка нагреться утренним солнцем, и Эмма наслаждается этим ощущением. Ночью она продрогла, укрыться было нечем, а сено совсем не грело. Эмма понимает, что болеть ей никто не позволит. Даже дома считалось зазорным оставаться в постели при легком недомогании. Эмме, у которой женские дни всегда сопровождались изнурительной болью внизу живота, приходилось превозмогать себя. Наверное, здесь будет так же.

В комнатах, мимо которых они проходят, уже никого нет. Эмма безбоязненно заглядывает в них, отмечая скудность обстановки. Кое-где виднеются низкие топчаны, едва покрытые тканью, но в основном, судя по всему, гладиаторы спят прямо на полу. Эмме интересно, от чего она зависит, но спрашивает она у Робина совершенно другое:

– Почему ты Фур?

Она вспомнила об этом почти сразу после того, как увидела его на кухне, и никак не может отделаться от мысли, вертящейся в голове.

– Это пошло с первого боя. Меня тогда выставили совершенно безоружного. Что оставалось делать? А у соперника был меч. Я очень хотел жить.

Робин пожимает плечами так, словно чувствует себя немного виноватым. Эмма не спрашивает, выжил ли тот, у кого он отобрал оружие. Неважно. Кроме того, Робин упоминал, что на арене умирают не так уж часто. Это обнадеживает.

Галерея заканчивается двустворчатой дверью с накладками из металла, и, миновав ее, Эмма обнаруживает, что они с Робином переходят в какое-то другое помещение. Резко бросаются в

глаза отличия: если галерея с комнатами рабов были голой и обшарпанной, то сейчас Эмма смотрит на гладкие побеленные стены. Она опускает глаза и видит, что идет по каменным плитам, в сплетении которых изредка встречаются выложенные мелкими камешками причудливые рисунки. По углам расставлены кадки с цветами, у окон виднеются красивые металлические светильники, кое-где исходят дымом благовоний курильни.

– Где мы? – тихо спрашивает Эмма, которой почему-то не хочется разговаривать в полный голос.

– Это домус*, – так же тихо отвечает Робин, идя справа и чуть впереди. – Здесь живут хозяева. Я веду тебя в таблинум* – это личная комната Ауруса. Запоминай дорогу: может быть, тебе придется ходить здесь самостоятельно.

Эмма робеет, слыша такое. Это большой, очень большой дом, и в нем множество поворотов и комнат, в которых легко запутаться. Она делает это на третьем повороте, хотя раньше никогда не замечала за собой подобного. Может быть, это из-за того, что все вокруг слишком чужое.

– Мы почти пришли, не отставай, – слышит Эмма и видит, как навстречу им идет Регина. Сегодня ее туника темно-зеленого цвета, а волосы распущены и перекинуты через правое плечо. Робин говорит что-то Регине на римском, но та даже не смотрит на него и проходит мимо, не удостоив взглядом и Эмму. Эмма невольно вдыхает шлейф сладковатого, тонкого аромата, оставшийся после Регины.

– Что это за запах? – спрашивает она. Робин принюхивается и отвечает без запинки:

– Фазелийская роза.

Эмма может только подивиться тому, как четко он это определил.

Несмотря на слова Робина о том, что цель близка, им приходится пройти еще два поворота, и все это время Эмму преследует запах той самой фазелийской розы, который не в состоянии перебить даже благовония, курящиеся на каждом углу. Она думает, что этот аромат не подходит Регине. Ей нужно что-то более тяжелое. Более сладкое.

– Стой, – велит вдруг Робин, и Эмма послушно останавливается, выглядывая из-за его плеча. Перед ней очередная дверь, украшенная разинутыми пастями каких-то зверей, выполненных из металла. Возле двери стоит раб, и Робин говорит ему что-то по-римски, Эмма не понимает, что именно. Раб отрывисто отвечает и, открыв дверь, исчезает за ней.

– Никогда не заходи к Аурусу без предупреждения, – учит Робин, придирчиво осматривая Эмму. – Это же касается всех, кто живет здесь. За это могут жестоко наказать. И называй его господином, а его жену и дочь – госпожами.

Эмма надеется, что станет редко появляться в этом месте: оно темное и холодное. И обладает слишком большим количеством поворотов.

Ожидание затягивается. Ноги Эммы начинают мерзнуть: красивая и ровная плитка слишком холодна. Чтобы отвлечь себя, Эмма обращается к Робину:

– Почему Регина не ответила тебе, когда ты поприветствовал ее?

Робин косится на нее.

– Она не обязана мне отвечать.

Эмме это непонятно. Она хмурится, вопросительно глядя на мужчину. Тот вздыхает, но поясняет:

– Она старшая над рабами. Управляющая*.

Это много о чем говорит Эмме. Регина – старшая в этом доме, за исключением хозяев. Вот почему она так ведет себя. Позволяет себе высокомерие.

– Но ведь гладиаторы – не обычные рабы? – уточняет Эмма. Ей хочется, чтобы это было так. Чтобы при следующей встрече с Регионой она смогла бы ей сказать это.

Робин грустно улыбается, давая понять, что не все так просто.

http://erolate.com/book/1136/29494